

ПОД КАМНЕМ ДВЕРЬ

Андрей Апухтин

Под камнем — дверь - Книга 3

Серия «Тайна за тайной», книга 4

<https://litres.ru/74530234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лада, Барсик и бабушка Нина находят под домом каменную дверь, спрятанную строителями Старогорска триста лет назад. Медный значок из первой книги открывает замок, и троица спускается в подземный ход, ведущий под реку. Карта из второй книги указывает путь через зал с источником, мимо старославянских надписей, к хранилищу — подземной библиотеке, где книги, медные пластины и печати сохранены светящейся водой. Лада узнаёт, что строители города спрятали память Старогорска под землёй — чтобы знания пережили войны и пожары. Но хранилище хранит ещё одну тайну: серебряный ключ с восьмиконечной звездой, который открывает не замок, а карту — указатель к главному хранилищу, спрятанному глубже, под старой крепостью на холме. Третья книга серии «Тайна за тайной» — добрый детектив для детей 6–9 лет, без страха и злодеев, с кошачьей смекалкой и тёплыми иллюстрациями.

Содержание

Возвращение Степана	4
Карта подземелий	13
Под камнем — проход	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Апухтин

Под камнем — дверь

Возвращение Степана

Степан Варфоломеич вышел из подземелья на рассвете.

Лада и бабушка Нина вели его по коридору — медленно, осторожно, как ведут человека, который заново учится ходить. Степан Варфоломеич ступал неуверенно — ноги подкашивались, колени дрожали, пальцы вцепились в стену, как когти. Но шёл. Двадцать лет под землёй не убили в нём желание идти — к свету, к воздуху, к людям. Барсик шёл впереди — рыжий проводник в темноте, его хвост горел фонарём, уши поворачивались, как локаторы.

Когда они поднялись по ступенькам и вышли в подвал, Степан Варфоломеич остановился. Свет — тусклый, серый, утренний — падал из приоткрытой двери, и Степан Варфоломеич зажмурился, как будто ему в глаза светили прожектором. «Свет, — прошептал он. — Настоящий свет. Двадцать лет — лампы, свечи, темнота. А это — солнце». Лада открыла дверь подвала пошире, и утро хлынуло внутрь — холодное, свежее, осеннее, с запахом мокрых листьев и кофе из соседней квартиры. Степан Варфоломеич шагнул на порог и поднял лицо к небу — серому, низкому, затянутому облака-

ми, но небу. Настоящему небу. «Спасибо, — сказал он тихо, и слёзы катились по морщинам и падали в бороду. — Спасибо, девочка. Спасибо, бабушка. Спасибо, кот».

Бабушка Нина отвела Степана Варфоломеича к себе в квартиру — ту самую, маленькую, как музей, с книжными полками от пола до потолка и старыми фотографиями на стенах. Усадила в кресло — старое, потёртое, с продавленным сиденьем, но мягкое, как облако, — и укрыла пледом.

Степан Варфоломеич сидел и смотрел на книги — на корешки, на полки, на фотографии — и глаза его бегали, как у ребёнка, который вернулся в комнату после долгой разлуки и узнаёт каждую вещь. «Книги, — шептал он. — Сколько книг. Я думал, что никогда не увижу книгу снова». Он под-

нял руку — дрожащую, тонкую — и провёл по корешкам, как пианист проводит по клавишам. «Толстой, Достоевский, Пушкин... Все здесь. Все живы».

Бабушка Нина поставила чайник и стала готовить завтрак — яичница, хлеб, масло, варенье. Лада сидела на стуле и наблюдала. Барсик запрыгнул на подоконник и лёг, свернувшись клубком, — усталый, но довольный, как солдат после похода. «Степан Варфоломеич, — сказала Лада, — расскажите. Как вы оказались под землёй? Зачем вы спустились?»

Степан Варфоломеич повернул голову — медленно, как сова, — и посмотрел на неё. «Я искал хранилище, — сказал он. — Я был архивариус. Я знал, что под Старогорском есть подземные ходы и хранилища — из старых документов, из планов, из записей. Я искал их двадцать лет. И однажды нашёл люк — на улице, под брусчаткой. Спустился. Люк обрушился за мной. Я остался внизу».

Степан Варфоломеич ел медленно — маленькими кусочками, жевал долго, как будто заново учился чувствовать вкус. Яичница, хлеб с маслом, варенье — каждая крошка была для него праздником. Бабушка Нина подливала чай, и он пил — горячий, крепкий, с сахаром, — и руки его переставали дрожать, и глаза становились яснее, как небо после дождя. «Двадцать лет, — рассказывал он, — я жил в той комнате под землёй.

Вода из источника, грибы, которые росли у воды, и мыши, которых я ловил. Я вёл записи — углём на камне, потому что бумаги не было. Я записывал всё, что помнил: книги, документы, даты, имена. Я боялся забыть. Боялся, что память — единственное, что у меня осталось, — исчезнет».

Лада слушала и не перебивала. Она представляла: двадцать лет в каменной комнате, при свете огарка свечи, запи-сывать углём на камне. Двадцать лет стучать в стену — три удара каждую ночь — и надеяться, что кто-нибудь услышит. «А ящик? — спросила Лада. — Медный ящик, который вы нашли. Вы так и не открыли его?»

Степан Варфоломеич покачал головой. «Я бил по нему, стучал, пытался сломать замок камнем. Замок не поддавал-ся. Я думал, что внутри — золото, драгоценности, докумен-ты. Но не мог открыть. Двадцать лет — и не мог. А вы откры-ли. Маленькой девочке и медному значку». Он улыбнулся — впервые за всё утро, краем рта, еле заметно, как улыбаются, когда вспоминают что-то хорошее после долгого плохого.

После завтрака Лада разложила на столе всё, что у них было: медный значок из первой истории — с гербом Старогорска и надписью «Под камнем — дверь», серебряный значок с восьмиконечной звездой из медного ящика, и карту подземных ходов — пожелтевшую, на тонкой бумаге, с коричневыми линиями и старинными подписями. Три предмета. Три ключа к одной тайне.

«Смотрите, — сказала Лада и разложила карту рядом с планом дома из бабушкиного архива. — Вот дом. Вот подвал. Вот каменный ход — мы прошли по нему. Вот зал с источником. Вот комната Степана Варфоломеича. А дальше...» Она провела пальцем по карте — линии уходили дальше, за комнату, под двор, под улицу, под весь город, к реке. И заканчивались кружком, подписанным старинными буквами: «Хранилище».

«Хранилище, — повторила бабушка Нина, надев очки и наклонившись к карте. — То самое. Тихон Варфоломеев проложил ход не только для хранения, но и для прохода к реке. Хранилище — под рекой. Под дном реки. Строители построили его триста лет назад — когда город только основали. Они знали, что река — защита. Вода не пропускает огонь, не пропускает врагов, сохраняет всё, что спрятано под ней».

Степан Варфоломеич встал с кресла — медленно, держась за стол — и наклонился к карте. Его голубые глаза забежали по линиям, как по знакомой дороге. «Я знал, — сказал он. — Я искал это хранилище. Двадцать лет. Я знал, что оно

существует — по записям, по намёкам, по старым картам. Но я не мог до него дойти — завал не давал. А вы убрали завал. И вот — карта. И вот — путь свободен».

Лада записала в блокнот: «Дело 3. Под камнем — дверь. Карта ведёт к Хранилищу под рекой. Строители Старогорска спрятали его триста лет назад. Медный значок — ключ к двери. Серебряный значок — ключ к хранилищу? Нужно проверить. Путь: дом — подвал — каменный ход — зал с источником — комната Степана Варфоломеича — дальше по карте к реке.

Расстояние — около 500 метров под землёй. Подготовка: верёвка, фонарик, запасные батарейки, вода, печенье, спички, блокнот, оба значка». Она перечитала список, подумала

и добавила: «Степан Варфоломеич — проводник. Он знает подземелье. Но слаб. Бабушка Нина идёт. Барсик — разведчик». Степан Варфоломеич выпрямился — насколько мог, с больной спиной и дрожащими ногами — и сказал: «Я пойду с вами. Я знаю ход. Я двадцать лет ходил по нему — от источника до завала и обратно. Я знаю каждый камень, каждый поворот, каждую щель. Без меня вы заблудитесь. Туннель разветвляется за залом с источником — два хода, один ведёт к реке, другой в тупик.

Я знаю, какой правильный». Бабушка Нина посмотрела на него — внимательно, как врач. «Степан Варфоломеич, вы двадцать лет под землёй. Вы слабы. Вы едите первый раз за...» — «За двадцать лет, — закончил он. — И чувствую себя лучше, чем за все двадцать. Я архивариус. Хранилище — это архив. Я не могу не пойти к своему архиву». Бабушка Нина кивнула. Лада закрыла блокнот и посмотрела на Барсика. Барсик зевнул, потянулся и встал — готовый, как всегда. Троица стала четверицей. Экспедиция назначена на ночь — когда все уснут и никто не помешает.

Карта подземелий

Лада изучала карту весь день. Она разложила её на полу, придавив углы книгами, и ползала вокруг на коленях, как картограф. Карта была нарисована от руки — тонкими коричневыми линиями, старинными чернилами, которые не выцвели за сто лет, потому что хранились в медном ящике, куда не проникал ни свет, ни воздух. Линии были точные, аккуратные — Тихон Варфоломеев рисовал карту как инженер: каждый ход, каждый поворот, каждый зал — с размерами и подписями. «Он был купцом, но чертил как архитектор, — заметила бабушка Нина, заглядывая через плечо. — Видимо, торговля — не единственный его талант».

Карта показывала подземелье от дома до реки. Лада проследила путь: от подвала — каменный ход, тридцать шагов, зал с источником. От зала — два хода: правый и левый. Правый помечен крестиком — тупик. Левый — стрелкой, ведущей дальше. Ход шёл под улицей, поворачивал, спускался, шёл под дворами, под домами, под огородами, и выходил к реке — не на поверхность, а под дно. Под рекой был нарисован большой овал — хранилище. От хранилища отходили три маленьких хода, как лучи звезды. Один — к источнику (знакомый). Второй — к старой крепости на холме, на другом берегу. Третий — куда-то дальше, за пределы карты, обрезанный краем бумаги. «Три хода, — записала Лада.

— Один мы знаем. Два — неизвестны. Крепость на холме — это Старогорская крепость, я видела её с дороги, когда мы переезжали. Старая, каменная, с башнями. А третий — обрезан. Куда ведёт — неизвестно». Барсик сидел на карте, и Лада осторожно сдвинула его. «Барсик, не спи на важных документах». Барсик муркнул — обиженно.

Днём к ним заглянула тётя Валя — соседка, полная, в цветочном халате, с бигуди, с пирогом в руках. Она принесла яблочный пирог — румяный, горячий, с корицей, — и увидела Степана Варфоломеича. «Ой! — тётя Валя поставила пирог на стол и прижала руки к щекам. — Это кто? Откуда? Он такой бледный, такой худой!» Бабушка Нина коротко объяснила: нашли под домом, в подземелье, живой, двадцать лет.

Тётя Валя ахнула, всплеснула руками и тут же нарезала пирог — щедро, большими кусками. «Ешьте! — скомандовала она, и Степан Варфоломеич послушно взял кусок. — Худой какой, кожа да кости! Это не человек, это скелет! Ешьте, ешьте, я ещё принесу!» Тётя Валя была из тех людей, которые лечат едой, утешают пирогами и решают проблемы вареньем.

Степан Варфоломеич ел пирог и смотрел на тётю Валю — как на чудо. «Двадцать лет, — шептал он, — двадцать лет без людей. А людей — вот. Сразу. С пирогом». Тётя Валя покраснела до бигуди и засуетилась. «Ладно, ладно, нечего раскисать! Сейчас борщ сделаю, котлеты, компот...» Она убежала на кухню, и из кухни послышался стук ножа по разделочной доске и бодрое пение — тётя Валя пела, когда готовила, и голос её был громкий и весёлый, как кастрюльный оркестр. Лада улыбнулась. Степан Варфоломеич улыбнулся. Даже Барсик, почуяв запах пирога, подошёл и сел у стола, глядя на крошки с видом, который говорил: «Я тоже пострадал. Мне тоже положено».

Вечером, когда тётя Валя ушла, а Степан Варфоломеич уснул в кресле — впервые в кровати, которую бабушка Нина застелила для него, — Лада, бабушка Нина и Барсик сидели на кухне и обсуждали план. «Мы идём ночью, — сказала Лада. — Как в прошлый раз. Все спят, никто не мешает. Путь — по карте: подвал, каменный ход, зал с источником, левый тоннель, под улицей, под дворами, к реке. Хранилище — под рекой. Степан Варфоломеич ведёт, я с фонариком, бабушка Нина с верёвкой, Барсик — впереди».

Бабушка Нина нарисовала на листке примерный план: «По карте — около 500 метров под землёй. Ход идёт вниз, потом ровно, потом снова вниз — под дно реки. Если идти медленно, с остановками — часа два. Фонарик — два, за-

пасные батарейки. Вода — две бутылки. Печенье — пачка. Спички — на случай, если найдём что-то, что нужно поджечь». Лада кивала и записывала. «А медный значок? — спросила она. — В прошлый раз он открыл камень-пробку. Может, он откроет и хранилище?» Бабушка Нина посмотрела на значок, лежавший на столе, — медный, тёплый, с гербом. «Может быть, — сказала она. — А может — серебряный. У нас два значка, два ключа. Один открыл дверь в подzemелье. Другой, может быть, откроет хранилище. Но мы не знаем, какой для чего. Попробуем оба». Барсик сидел на стуле — как равный, как участник совещания, — и его хвост медленно покачивался, как маятник, отмеряя время до ночи.

Степан Варфоломеич проснулся к вечеру — отдохнув-

ший, чуть розовее, чуть крепче. Он поел — борщ, который тётя Валя оставила в кастрюле, — и почувствовал, что ноги держат лучше, а руки дрожат меньше. «Я иду, — сказал он твёрдо. — Не отговаривайте. Я знаю подземелье лучше, чем карта. Карта показывает стены и ходы, но не показывает воду — где мокро, где сухо, где потолок низкий, где обвал. Я ходил по этим тоннелям двадцать лет. Каждый камень — мой знакомый». Бабушка Нина не стала спорить. Она дала ему валенки — свои запасные, — и тёплый шарф, и фонарик. Степан Варфоломеич оделся и выпрямился — медленно, с хрустом в спине, но выпрямился. «Готов, — сказал он. — Двадцать лет я ждал этого момента. Я — архивариус. Хранилище — мой архив. Я иду к нему».

Лада разложила снаряжение: два фонарика, запасные батарейки, верёвка — пятнадцать метров, папина, из гаража, две бутылки воды, печенье, спички, блокнот, карандаш, медный значок, серебряный значок, карта. Всё уложили в три рюкзака — Ладин синий, бабушкин потёртый и Степанов — старый, холщовый, из подземелья. Барсик наблюдал, сидя на подоконнике, — внимательно, как генерал на инструктаже. Один раз он спрыгнул, подошёл к рюкзаку и лапой тронул верёвку — проверил. «Барсик, всё проверено, — сказала Лада. — Выступаем в одиннадцать». Барсик муркнул — утвердительно, по-военному. Экспедиция готова.

В одиннадцать вечера четверо — девочка, бабушка, старик и кот — стояли у двери подвала. Дом спал. За стеной — ровное дыхание родителей. За окном — осенняя ночь, тёмная, безлунная, с дождём, который стучал по крыше, как пальцы по клавишам. Лада открыла дверь подвала ключом — тот самый, латунный, с кухни — и они спустились. Степан Варфоломеич шёл первым — медленно, держась за стену, но уверенно, как человек, который знает каждый шаг. «Семь ступенек, — шептал он. — Я считал их тысячи раз. Семь — и подвал». Подвал встретил их сыростью и тьмой. Лада включила фонарик — белый луч упал на каменные стены, ржавые трубы, пустые полки. Всё было как прежде — мокрое, мёртвое, холодное. Но камень-пробка был убран — проход

в стене зиял чёрной дырой, как открытый рот.

Они вошли в проход — один за другим, наклонившись: Степан Варфоломеич, Лада, бабушка Нина, Барсик — замыкающий, как арьергард. Ход был знакомый — каменный, сводчатый, мокрый, с каплями на потолке. Степан Варфоломеич шёл уверенно — он знал этот ход, как знает дорогу домой. «Тридцать шагов — и зал с источником, — шептал он. — Я ходил сюда каждый день — за водой. Источник — чистый, холодный, неиссякаемый. Я пил из него двадцать лет». Тридцать шагов — и зал. Каменный, сводчатый, с колодцем в центре и старославянской надписью на стене. Степан Варфоломеич остановился и погладил стену — как здороваются с другом. «Здравствуй, — сказал он камню. — Я ушёл и вернулся. Привёл людей. Мы идём дальше — к хранилищу».

Под камнем — проход

В зале с источником Степан Варфоломеич остановился и посветил фонариком на противоположную стену — за колодцем, в левом углу. «Здесь ход разветвляется, — сказал он. — Два тоннеля. Правый — тупик. Я ходил по нему — сто шагов и обвал. Левый — идёт дальше, под улицу. По карте — к реке. Я никогда не ходил по нему до конца. Боялся заблудиться. Двадцать лет — и боялся. А теперь — не боюсь. Потому что с вами». Лада посмотрела на два проёма — оба тёмные, оба одинаковые, как два близнеца. «Барсик, — сказала она. — Какой?» Барсик подошёл к левому проёму, понюхал и муркнул — коротко, уверенно. Потом подошёл к правому, понюхал — и отвернулся. «Левый, — подтвердила Лада. — Как на карте».

Они вошли в левый тоннель. Он был уже и ниже первого — Лада шла, наклонившись, бабушка Нина — почти согнувшись, Степан Варфоломеич — привычно, он был невысокий и худой, и ему хватало места. Ход шёл под уклон — полого, но ощутимо, как пандус в подземный переход. Стены были суше, чем в первом ходе, — мох исчез, трещины стали реже. Воздух шёл ровный, тёплый, с запахом, который Лада не узнавала — не сырой, не затхлый, а минеральный, как запах мела или глины. «Мы уходим глубже, — сказала бабушка Нина тихо. — Под улицу. Над нами — асфальт, ма-

шины, люди. А мы — под землёй».

Тоннель шёл вниз. Лада считала шаги — привычка из прошлых походов. Пятьдесят, сто, сто пятьдесят. Стены стали другими — не тёплый камень, а холодный, серый, как бетон, но старинный, с отпечатками рук строителей, которые укладывали его триста лет назад. «Это уже не дом, — сказала бабушка Нина, водя рукой по стене. — Это под улицей. Мы прошли под фундаментом дома и вышли под мостовую. Над нами — Старогорск». Лада представила: над головой — асфальт, машины, фонари, люди, идущие домой. А под ними — тёмный каменный тоннель, проложенный купцом, которого никто не помнит.

На двухсотом шаге тоннель повернул — резко, под пря-

мым углом, как коридор в больнице. Степан Варфоломеич остановился. «Вот, — сказал он и посветил на стену. — Я доходил сюда. Дальше — не ходил. Боялся. Но знаю, что дальше — спуск. Крутой. К реке». Лада посмотрела: тоннель действительно уходил вниз — круто, почти как лестница, ступеньки высеченные в камне, стёртые, скользкие, с ямками, в которых стояла вода. «Спуск, — записала она. — Ступеньки, каменные, стёртые. Вниз. К реке. Степан Варфоломеич дальше не ходил. Мы — первые». Барсик первым шагнул на ступеньки — бесстрашно, как всегда, — и начал спускаться. Лада — за ним. Бабушка Нина — за Ладой, держась за стену. Степан Варфоломеич — последним, осторожно, но без колебаний. «Двадцать лет я стучал, — прошептал он. — Ещё немного — и я увижу, ради чего».

Ступенек было сорок. Лада считала каждую — как всегда, как одержимая счётом, потому что счёт успокаивал. Сорок ступенек — и тоннель выровнялся. Они стояли на глубине — Лада не знала, на какой, но воздух был плотнее, тяжелее, как будто давил сверху. «Мы под улицей, — сказала бабушка Нина. — Может, метров десять вниз. Над нами — земля, асфальт, дома. А мы — глубоко». Степан Варфоломеич дышал тяжело — спуск дался ему нелегко, ноги дрожали, но он шёл, держась за стену, и его голубые глаза горели упрямо, как два огонька, которые не задуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.